

счастливы и тѣмъ еще, что глаза твои не увидятъ ручья крови отъ всеобщей гибели защитниковъ твоего княжества.

— Кто же нанесетъ такую гибель?

— Теперешніе же враги ваши.

— Неужели Господь допустить ихъ до этого?

— Къ тому времени поколѣніе ваше заслужитъ гнѣвъ и кару неба.

— А что станеть съ Френками послѣ ихъ торжества!

— Твое заклятіе исполнится въ точности. Они всѣ почти погибнуть отъ рукъ чужестраннаго народа и только не многимъ удастся или бѣжать, или принять религію побѣдителя; между тѣмъ остатки грековъ размножатся снова и доживетъ до счастливаго времени.

— Благодарю Создателя моего и за эту милость—и князь протянулъ руку, чтобы поцѣловать одежду святаго человѣка, но его уже не стало.

Нѣсколько дней спустя къ князю прискакали гонцы и дѣйствительно сообщили отрадную новость о поражении Френковъ.

Съ той поры золотая колыбель и наковальня стоятъ въ гротѣ Капду-кай и бдительно охраняются духами въ ожиданіи тридцать третьяго наслѣдника урумскаго князя.

23 Вай анамъ хаясы.

(Ай маменькина скала).

Подъ этимъ названіемъ существуетъ невадали отъ Бахчисарая, около храма Св. Анастасіи, колоссальнаго размѣра каменный естественный истуканъ, а нѣсколько дальше отъ него другой, тоже въ подобіе человѣческаго корпуса подъ именемъ *хорхма-баламъ* (т. е. не бойся дитя мое). Оба эти камня расположены у проселочной дороги, ведущей къ Качикалену и примыкаютъ къ сплошной скалѣ, на которой отпечатлѣлись подобія домашнихъ животныхъ.

Такая замѣчательная игра природы заставила туземныхъ татаръ придумать о происхожденіи ихъ слѣдующаго рода легенду.

Въ давноминувшее время въ окрестности, гдѣ теперь возносятся къ небу чудотворныя великаны *Вай-анамъ хаясы* и *хорхма-баламъ* обиталъ грозный владѣтель Топаль-бей. Его громадный сераль былъ построенъ въ родѣ замка и никто не пользовался правомъ проникать за стѣны его, безъ особеннаго соизволенія хозяина. Между тѣмъ по общему убѣжденію въ сераль этотъ попадали всѣ почти хорошенькія женщины Крымскаго царства, но куда онѣ дѣвались потомъ, когда сластолюбивый бей пресыщался ими, никто не вѣдалъ. Покрайней мѣрѣ ни одна изъ нихъ не выходила болѣе на свѣтъ Божій. Сосѣдніе жители различно толковали объ этомъ страшномъ человѣкѣ. Одни признавали его злымъ духомъ, въ образѣ человѣка, а другіе людоѣдомъ.

Тѣмъ временемъ въ деревнѣ Топчи-кой, отстоящей отъ этого серала въ двухъ часовой ходьбѣ, проживалъ Кемаль мурза, человѣкъ

богатый, но страстно преданный набѣгамъ на Москововъ. Мурза этотъ имѣлъ прекрасную жену и единственную дочь отъ перваго брака, красавицу какихъ мало встрѣчалось на бѣломъ свѣтѣ. Многіе изъ важныхъ сановниковъ ханства изъявляли желаніе получить руку этой очаровательной дѣвицы, но отецъ никому не давалъ положительнаго отвѣта, пока любимая имъ Селиме не достигнетъ 15 лѣтняго возраста и сама сдѣлаетъ выборъ.

Слухи о красотѣ Селиме часто доходили до Топаль-бея, но онъ не могъ отыскать такихъ людей, которые рѣшились бы привести къ нему въ гаремъ эту небывалую красавицу.

Въ одно время Топаль-бей выѣхалъ на охоту травить зайцевъ. Не проѣхалъ онъ и тысячи шаговъ отъ своего жилища, какъ борзья собаки выгнали изъ подъ кустовъ животное и пустились за нимъ; бей также поскакалъ. Долго, долго они гнались за интересной добычею, но увы ни скакунъ бей, ни легкія собаки не могли остановить ее. Озлобленный бей поминутно шпорилъ коня и покончилъ тѣмъ, что несчастная лошадь вдругъ остановилась, пошатнулась и пала мертвою. Собаки и добыча исчезли въ степной дали.

Топаль-бей ломалъ себѣ пальцы отъ негодованія и злобно продолжалъ смотрѣть впередъ, въ предположеніи, что собаки завернутъ зайца и изловятъ его предъ нимъ; однако время проходило и насталъ вечеръ. Бей, потерявъ терпѣніе, рѣшился зайти на ночлегъ въ первую хижину, которая повстрѣчается. Нѣсколько минутъ спустя предъ нимъ показались постройки. Подошедши къ дверямъ перваго зданія Топаль-бей постучалъ въ мѣдное кольцо.

— Кто тамъ? спросилъ вышедшій слуга.

— Странникъ Божій проситъ ночлега—отвѣчалъ бей.

Двери отворились и князь введенъ былъ въ *оду*, (комната) предназначенную для пріема гостей.

Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій и разспросовъ Топаль-бей узналъ, что онъ противъ ожиданія попалъ въ сераль Кемаль-мурзы.

— Правда ли—спросилъ онъ у слуги—что у твоего господина жена и дочь необыкновенно красивы?

— Въ дѣйствительности этого никто не можетъ сомнѣваться.

— А нельзя ли дружкомъ увидѣть мнѣ ихъ хоть въ щель дверную. Я очень богатъ, знатенъ и слѣдовательно могу быть приличнымъ женихомъ. За одолженіе же я подарю тебѣ кошелекъ червонцевъ—и онъ бросилъ къ ногамъ его обѣщанное золото.

Пораженный такою щедростію слуга изъявилъ согласіе исполнить просьбу гостя и исполнилъ ее въ ту минуту, когда красная Селиме съ молодою не менѣе красивою мачихою ея расположились на вечернюю молитву. Бей слѣдилъ за каждымъ движеніемъ ихъ, какъ могущественный левъ за слабыми и беззащитными существами. Съ трудомъ подкупленному рабу удалось отвѣсти его обратно въ *оду*.

Нѣсколько дней спустя народъ освѣдомился, что въ глухую ночь дворецъ Кемаль-мурзы подвергся нападенію неизвѣстныхъ злоумышленниковъ и пропали безъ вѣсти молодая хозяйки. Когда

сообщено было объ этомъ несчастіи Кемаль-мурзѣ, онъ остановил свои набѣги и возвратился въ Крымъ. Но, увя напрасно онъ искалъ жену и дочь: никто не могъ указать ему на смѣлыхъ разбойниковъ.

Между тѣмъ несчастныя женщины, преданныя другъ другу до безумія, очутились въ гаремѣ Топаль-бея, который ежедневно навѣщалъ ихъ и упрашивалъ покориться его прихотливой волѣ. Гордыя и честныя женщины отвѣчали ему проклятіями. Такъ прошелъ мѣсяць.

Однажды разгнѣванный бей вошелъ къ своимъ плѣнницамъ съ тѣмъ, чтобы покончить съ ними разомъ свои отношенія. Начавъ, по обыкновенію ласками и просьбами, онъ все болѣе и болѣе приходилъ въ гнѣвъ и угрозы. Женщины оставались не поколебимы.

— Такъ вы не покоритесь мнѣ? вскрикнулъ онъ въ испугленіи.

— Никогда! было отвѣтомъ.

— Но я властенъ предать васъ позорной казни.

— Это послужитъ не намъ, а тебѣ въ позоръ.

У Топаль-бея помутилось въ глазахъ и онъ призвалъ палачей. Женщины были перевязаны и въ теченіи нѣсколькихъ минутъ замуровлены въ одной изъ нишъ стѣны, окружавшей гаремъ. Съ того времени о несчастныхъ плѣнницахъ долго ничего не слышно было въ мрачномъ дворцѣ.

Годъ спустя до свѣдѣнія Топаль-бея дошло, что на границѣ его земель внезапно появилось два каменныхъ челоукообразныхъ гиганта и что предъ разсвѣтомъ пастухи видятъ выходящую изъ одного изъ нихъ дѣвицу не естественной красоты съ золотою кружкою въ рукахъ.

Слухъ этотъ встревожилъ бей и онъ рѣшился лично убѣдиться въ справедливости разсказовъ.

И что же оказалось? Выходящая изъ скалы была та самая Селиме, которую онъ съ махичою замуровалъ въ стѣнѣ.

Топаль-бей въ страхѣ подвергнуться мести отца въ тотъ же день приказалъ впредъ въ исполнскій колосъ всѣхъ воловъ и лошадей своихъ, чтобы опрокинувъ его, погубить вторично непокорную дѣвицу. Приказаніе было исполнено, но въ ту минуту, когда все было готово и когда погонщики подняли кнуты, чтобы двинуть съ мѣста впряженныхъ животныхъ, изъ колоса вылетѣлъ женскій крикъ: „ай маменька!“ На зовъ этотъ послѣдовалъ изъ дальняго истукана отвѣтъ: „не бойся дитя мое!“ Вслѣдъ затѣмъ всѣ волы съ лошадьми, цѣльями, веревками и погонщиками превратились въ сплошную скалу. Съ того времени оба эти колоса сохранили за собою тѣ названія, которыя слышались изъ нихъ народу.

24 Два богатыря.

Между деревнею Чоргунъ и знаменитымъ Мангуномъ находится небольшое татарское селеніе, именуемое Черкезъ-Керменомъ, что означаетъ въ переводѣ черкезское укрѣпленіе. Сколько намъ

извѣстно, въ Крыму черкезы никогда не имѣли своихъ крѣпостей и никогда не владѣли отдѣльными участками на вассальныхъ правахъ. Спрашивается, что могло понудить туземцевъ присвоить это названіе мѣстности, сохранившей вѣрныя доказательства жителства здѣсь скивовъ, бесспорно успѣвшихъ усвоить нѣкоторые искусства грековъ? Намъ кажется, что это названіе создано подъ вліяніемъ убѣжденія, что существующая здѣсь крѣпость имѣетъ большое сходство съ тѣми укрѣпленіями, которыя существуютъ на Кавказѣ между черкесскими аулами и считаются созданиемъ ихъ дѣдовъ. Такъ или иначе, но по мѣстному преданію Черкезъ-Кермень, служилъ въ давно минувшія времена мѣстопробываніемъ какихъ-то необыкновенныхъ людей, жившихся съ намѣреніемъ господства надъ Крымомъ. Пробывъ въ ней нѣкоторое время, люди эти начали томиться тоскою, потому что ни одна изъ туземныхъ дѣвушекъ не изъявляла согласія на выходъ за нихъ замужъ. Одиночество довело этихъ богатырей до того, что бросивъ свои пещеры, они удалились. Только двое изъ нихъ остались съ намѣреніемъ силою завоевать себѣ подругъ. Рѣшеніе свое гиганты заявили окрестнымъ жителямъ съ тѣмъ, что если въ теченіи извѣстнаго времени они не представятъ имъ на выборъ лучшихъ дѣвицъ, то начнутся насилія и ни одна изъ дочерей ихъ не будетъ пощажена.

— Дѣлайте, какъ знаете, отвѣчали туземцы, но насловать нашихъ дочерей мы не станемъ.

Прошло 40 дней. Ожесточенные богатыри съ сверкающими глазами вышли изъ пещеръ своихъ и напали на ближайшее селеніе. Всѣ дѣвушки выставлены были ими на площадь и двѣ наиболѣе рослыя и красивыя взяты были въ качествѣ невольницъ.

Два дня спустя гиганты принесли на плечахъ своихъ обѣихъ дѣвушекъ мертвыми и, возвращая тѣла ихъ родителямъ, взяли новыхъ красавицъ. Та же участь постигла и этихъ послѣднихъ. Такимъ образомъ насиліе богатырей продолжалось чрезъ сутки и дошло до того, что въ деревнѣ изъ многихъ взрослыхъ не осталось ни одной.

— Ну, слава Богу — заговорили старухи — мы отдали все, что имѣли и не будемъ уже оплакивать новыхъ жертвъ. Теперь вѣроятно безжалостные люди перейдутъ въ сосѣднее поселеніе и туда перенесутъ нашу скорбь и слезы.

Пока бѣдныя женщины утѣшались такими предположеніями, въ селеніе ихъ вновь явились богатыри и начали выбирать уже замужнихъ молодыхъ матерей. Покончивъ и ихъ они добрались до бодрыхъ еще старухъ. Когда же и такихъ не осталось, они начали брать недоростковъ и дѣло дошло до 9 лѣтнихъ дѣвочекъ.

Горько было видѣть несчастнымъ отцамъ и братьямъ, какъ уводились эти малютки на вѣрную смерть, но противиться такимъ силачамъ, которые могли бы сдвинуть на нихъ цѣлыя скалы, не приходилось.

— Будемъ покоряться безропотно волѣ Творца нашего — гово-